Я был уже у двери, когда в коридоре раздался цокот каблучков, от которого у меня затряслись поджилки и вся решимость и воля вернулись в своё обычное состояние. На задворки моей трусливой душонки, дрожать и скулить, на предмет того, какой ничтожный хозяин им достался. Так что мне ничего не оставалось делать, как вернуться на сестринское ложе и ввинтить только что вытащенный из горящей похотью задницы палец обратно в слизкую трубу, а ладонью другой руки обхватить тонкий, как спагеттина, член и отдаться на милость своей сестры, смиренно ожидая наказания. Когда она зашла в комнату, и я бросил взгляд на то, что было у неё в руках, я обмер, хотя казалось, что ничто уже не может меня пристыдить. В руках она держала мои фетишистские сокровища, окна в таинственный мир извращённых желаний: найденный по дороге домой садомазохистский журнал, с содержанием не менее грязным, чем та куча хлама, из которой я его выудил, модный каталог с фотографиями роскошных длинноногих богинь, дефилирующих в чудесных деловых костюмах. И самое главное, мамины колготки. Те самые, в которые я кончал по ночам, заливая горячей спермой тугую лайкру. Смятой горкой лежавшие поверх журналов, они напоминали шоколадный бисквит на глянцевом блюде. И я, почему-то, был уверен, что моя злобная официанточка в беленькой блузочке, непременно заставит меня испробовать их на вкус. Вся моя тщательно выверенная система конспирации потерпела полное фиаско. Я был раскрыт. Обнажён и выставлен напоказ для отвратительно ржущей толпы, тычущей в меня пальцами из Эрикиных глаз и орущей грязные оскорбления в адрес моей поверженной персоны.

Доказательства моих извращений, которыми меня теперь можно шантажировать бесконечно долго. И как только она их нашла? Неужели обыскала комнату, залезла под кровать. Но зачем? Зачем ей было всё это делать? Какие намеки я мог ей дать, чтобы она начала подозревать меня в извращении? На людях я был самым обычным, ничем не примечательным подростком, слегка женственным и может чересчур изящным в манерах, но что с того? Не всем же быть волосатыми гориллами. Я был таким всегда, так что ничто в моём поведении не должно было насторожить сестру. И я всегда, всегда с маниакальной тщательностью следил за тем, чтобы вещи, которые я заимствую у мамы или Эрики возвращались на место в том же самом виде, в котором были взяты. Ни единой складочкой на пиджаке или блузке, ни единой капелькой спермы не мог я выдать себя. Но тогда чем же? Эрика проноситься мимо меня, оставляя за собой восхитительный запах ванили и усаживается в роскошное кожаное кресло, рядом с компьютерным столиком. Я выкручиваю голову, чтобы не потерять её из виду и, неуклюже ворочаясь, продолжая держать руки там, где она мне приказала, поворачиваюсь на живот, а потом становлюсь в классическую позу крестьянки, которую имеют в поле в перерывах между жатвой. Выгляжу я донельзя нелепо, о чём Эрика не преминула мне заметить, но я как заговорённый не могу оторвать глаз от своих сокровищ, будто пялясь на них вытаращенными от стыда и страха глазами, я смогу заставить их исчезнуть. — Что, интересно, братишка? — спрашивает эта нахальная воровка, — вот и мне тоже. Давай-ка глянем, что же заводит нашего маленького Петера Крауса, м? Держу пари там сто-о-лько интересного.

Аккуратно разложенные, эти столь дорогие мне вещи, лежат на столике и глядят на меня с немой укоризной за то, что не смог сохранить их в тайне. Самая ценная из них, найденный по пути домой журнал для любителей женского доминирования. Сейчас в руках у Эрики. Брезгливо сморщенный носик, кончики пальцев медленно листают страницы. Всем своим видом она показывает своё отвращение от необходимости касаться столь непристойного предмета. Да уж, такой благовоспитанной мамзели, как ты, изображённое там должно причинять почти физическое страдание. Кладезь впечатлений для сеансов мастурбации. Могучие Амазонки, истязающие своих тщедушных рабов самыми разнообразнейшими способами, Высокомерные Начальницы, заставляющие провинившихся сотрудников-импотентов тыкать вялыми членами в свои лакированные туфельки, и насмехающиеся над их

судорогами, когда сморщенные головёшки исторгают жалкие капельки чудом сохранившейся в почти отмерших яичках спермы. Образ раздавленного и униженного ничтожества со смехотворной висюлькой между ног, просунутой в туфлю с открытым носком, из которой сочится ниточка спермы, навечно запечатался в моём воображении. И, конечно, строгие учительницы, нещадно хлестающие нерадивых учеников по оголённым попкам. Все они там, на сотне страниц, под глянцевой обложкой со слегка поистрепавшимися краями. Да уж, сестрёнка, это тебе не клавиши рояля, по которым ты стучишь по вечерам, разучивая очередную партиту Шуберта. Этот инструмент гораздо тоньше и требует изрядной подготовки для своего овладения. Я замираю от ужаса от того, что рассматривая страницы, она выворачивает наизнанку мою собственную душу, бесцеремонно выбрасывая под палящие лучи своего взгляда нежно трепещущие бутоны моих самых сокровенных мыслей.

Страницы, будто тросы висячего моста, натянутого над бездной. И каждый раз как ты кривишься от гадливости, один из них лопается. И их остаётся всё меньше и меньше. И мне скоро не за что будет ухватиться. И я рухну прямиком в угольно-чёрные глубины. И расшибусь о ледяную гладь Коцита. И муки Люцифера будут стократ сильнее, ибо помимо вечности в аду, ему придётся лицезреть мою торчащую изо льда задницу. Чем дальше Эрика листает журнал, тем выше взлетают её брови. А губы превращаются в алеющее удивлением «О». Держу пари, она и не знала, что на свете существуют столь изощрённые способы истязания жалких мужчинок. И я всерьёз опасался, как бы она не переняла что-нибудь оттуда, обогатив арсенал унижений для своего братца. Тамошние Домины были беспощадны!

http://tl.rulate.ru/book/890/20318